

УДК 101.3: 316. 722

**МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АВРААМИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ
КАК ПРЕДПОСЫЛКИ СТИЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ****Марюхнич М.Т.**

Донецкий Национальный Университет, Донецк, Украина

В статье проанализированы основы вероучений религий авраамического корня, проанализировано влияние религиозных убеждений на социальное поведение общностей. Рассмотрены общие черты авраамических религий, такие как креационизм, буржуазный принцип, как идеал социального устройства, прогрессизм, как следствие линейного взгляда на время. В рамках исследования авраамические верования сопоставлены как друг с другом, так и с языческим религиозным принципом, главным метафизическим принципом которого является манифестационизм, черты которого обнаруживаются в христианстве. Сделан вывод о наличии мощного воздействия авраамических религий на социальное бытие и диалектической связи авраамизма с прогрессом и атеизмом.

Ключевые слова: креационизм, манифестационизм, юридический принцип, законничество, монотеизм, мораль, научно-технический прогресс, прогрессизм, традиция, атеизм, сакральность, метафизика.

Marykhnich M. T., Metaphysical foundations of the Abrahamic religions as a prerequisite for the styles of social behavior / Donetsk National University, Ukraine, Donetsk.

In the article the principles of Abrahamic religions has been analyzed. Influence of religion beliefs for social behavior of communities has been also analyzed. Common features have been studied, such as creationism, principle of bourgeois, as ideal of social construction, progressivism as consequence of line view on time. In investigation Abrahamic religions have been compared with each other's and with pagan religion principle, the main religion peculiarity of that is manifestationism, features of what had been found in Christianity. It has been concluded about important influence of Abrahamic religions on social being and dialectic connection of Abrahamism with progress and atheism.

Key words: creationism, manifestations, the legal principle of legalism, monotheism, morality, technological progress, progressivism, the tradition, atheism, culture, metaphysics.

Проблема влияния религиозных верований на социальное поведение общностей – важная и недостаточно изученная область социальной философии. Данная проблема вызывает интерес тем, что

изучение идейного базиса религий позволяет обнаружить причины поведения масс, и тем самым спрогнозировать их поведение, а специалисту позволяет, отойдя от привычки мыслить образностью мифов, во всем полагаться на беспристрастный научный подход. Также исследование роли авраамических религий в социальном аспекте проливает свет на метафизические основы авраамической концепции, что сближает исследование с философией религии.

В данной работе необходимо выделить общие для всех авраамических религий особенности, и обнаружить их влияние на социальное бытие. Различия цивилизационных задач в среде авраамического ареала могут объясняться различиями конфессий, которые исповедуют общности, в связи с этим, необходимо изучить различия между авраамическими религиями. Особый интерес представляет изучение места православия в развитии древа авраамизма, и исследование пути протестантизма, остающимся и в наши дни авангардной идеологией Западной цивилизации.

Проблема социальной роли авраамических религий рассматривалась многими авторами, среди них особо следует выделить А. Бенуа, Р. Генона, А. Г. Дугина. Данная проблема многими авторами рассматривалась под углом критики авраамической религиозной концепции, зачастую страдает ненаучной апологетикой близких авторам религиозных концепций (язычество, православие), и мало изучена в социально–философском контексте, поэтому данная работа призвана восполнить этот пробел.

Авраамические религии – это три религии, произошедшие из иудаизма. Иудаизм принято считать национальной формой религии, а христианство и ислам считаются мировыми религиями. Мировыми религиями их делает степень распространенности и сила воздействия на цивилизации, среди которых они исповедуются, и которые они по большому счету, создали. Цивилизационные потенции, порожденные религиозной составляющей, в культурном плане роднят эти три авраамические религии.

Главный принцип авраамических религий – креационизм, творение мира из ничего, «*creatio ex nihil*». Поскольку творить мир из себя, «*ex Deo*» он не может по причине своей неделимости. Отсюда проистекает дуальность – концентрированное бытие в боге, и второстепенное бытие в материальном, сотворенном богом мире. Отсюда проистекает идеализация горнего мира и пренебрежение к тварному миру, возникает оппозиция неба и земли и соответствующие взаимоотношения смертных с богом. Небытие и бытие, таким образом, выпадают из дискурса авраамических религий, что выражается в запретах магии, языческих действий и особенно секса, как сторон «ночного бытия». Все сущее – это бог Авраама и Исаака, и материальный мир, созданный из ничего, в том числе, человек,

наделенный душой по воле создателя. Мир, созданный из ничто, отдан человеку в управление.

Распространенная среди интегральных традиционалистов классификация варн, применяемая к оценке содержания традиции, находит в авраамических религиях вайшьянский корень. Авраам и его потомки были кочевниками, торговцами, основоположниками данного религиозного направления, отсюда, по мнению Алена Бенуа, авраамизм – носитель «духа пустыни», или «духа моря», который не тождествен языческому «духу леса». Вайшьянский принцип буржуазен, и основан на принципе договора, это сближает его с юридической концепцией регулирования обществом, в которой законы носят важнейшую роль. Вместе с этим вайшьянский принцип входит в противоречие с варновыми категориями царства и жречества. Договорный, юридический принцип авраамических религий входит в противоречие с манифестационизмом язычества, иным образом рассматривающим мир, и становится основанием западноевропейской цивилизации. Таким образом, строго юридический дух «авраамизма» изначально отрицает магическое, природно–сакральное, перенося их в сферу запретного, греховного, вводит принципы строгой логики, рационализма, и содержит семена просвещения эпохи модерна. В области реализации потенциала человек находится в дихотомической линии аскетизма и накопления, что обуславливает даже в наиболее удаленной от рационального запада средневековой Руси споры иосифлян и нестяжателей.

Социальная идентификация исповедующих авраамические религии базируется не на принадлежности к государству, а к общине Израиля, к Церкви в христианстве и к умме – в исламе. Терпимое отношение к царской власти – это попытка найти компромисс между властью от бога, и земными реалиями. Впоследствии это приведет к разделению власти на светскую и духовную, возникнет ситуация, в которой правителю противопоставлен священник, епископ – в христианстве, или пророк, что характерно для ислама. Из этой оппозиции царской власти впоследствии возникает «левый дискурс», антисамодержавный по сути, с характерной либерально–демократической риторикой. В этом мы находим диалектическую причину буржуазных революций в Европе и России.

Христианскому пути свойственна практика обожения, и наличествует концепция спасения, отсутствующая как в исламе, так и в иудаизме. В «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона [1, с. 31–33], важном апологетическом тексте русского православия, подчеркивается важная мысль – отличие христианства от законнических ветвей авраамизма заключается в правиле жизни «по благодати», жизни по моральным правилам, умению обращаться к сердцу, которое является мерилем зла и добра. В законнических же

религиях моральным компасом является закон, который стремится регулировать даже бытовые нормы вплоть до правил личной гигиены.

А.Г. Дугин утверждает, что практика обожения была утрачена римо–католической церковью, и по этой причине, мало известна популярным апологетами Традиции (Р. Генон, Ю. Эвола, А. Бенуа), склонными более подробно исследовать католическую религиозную практику, и традиционно мало уделяющим внимание восточно–христианскому богословию. Возникла парадоксальная ситуация, при которой были подробно изучены все мировые религии и даже примитивные культы, но обойдены вниманием возможности христианской метафизики, скрытые в учении «периферийной» православной христианской церкви [2, с. 261]. И в самом деле, мыслитель Дугин соглашается с наличием в христианстве кардинального отличия от ислама и иудаизма – присутствия языческого манифестационизма. По мнению философа «Третий путь Церкви вбирает в себя и манифестационизм и креационизм, не смешивая их и не делая между ними выбора» [2, с. 261].

Диалектика развития христианского социума такова, что неизбежно войдя в фазу Просвещения, христианская культура постепенно начинает утрачивать традиционные для иерархического общества знания и практики. По мнению Р. Генона и его последователей, то, что называется Традицией, в Европе утрачивается во второй половине второго тысячелетия [3, с. 35–36]. Следствием этого в социальной плоскости явилось торжество общечеловеческих ценностей уже пост–христианского гуманизма.

К вопросу юридического права, которым наполнена жизнь Западной Европы, вплотную подходит понятие морали, выводимого из христианского вероучения, оценочное действие которой распространяется также и на проблему конфликтов, противоборств, международную политику. Мораль, по мнению А. Бенуа, мир призывает к миру, но преломляясь сквозь призму монотеизма, мир достигается нечестным способом: «Замена политики моралью приводит не к устранению противоречий, а, напротив, к их обострению. Как только какое–либо противоречие получает истолкование при помощи морали, в которой добро и зло возводятся в абсолют, – оно становится неразрешимым.(...) Относительный, мгновенный противник превращается в абсолютного врага. Враг может представлять только зло. Враг виновен, он должен быть наказан. Все развитие современного международного права, в значительной степени основанного на ценностях Библии, свидетельствует о стремлении сделать врага виноватым с морально–этической точки зрения» [4, с. 107].

А.Я Флиер приписывает религиям «авраамического корня» дуалистическое отношение к восприятию мира, полагая в этом

причину радикальной и священной борьбы с «силами тьмы». Данная линия поведения характерна как Средневековью, так и современности, и коренным образом связана с совершенствованием вооружений, в чем и проявился научно–технический прогресс в первую очередь. Автор утверждает, что «тенденция линейного эволюционного развития технических возможностей здесь явно преобладала над циклическим культом традиционности», отставание же исламского мира объясняет тем, что наиболее активная фаза исламского мира приходилась на Средневековье [5, с. 12].

Распространение авраамической религиозной концепции в среде европейских народов не могло пройти успешно без предварительной адаптации. Она связана с мощным воздействием языческого манифестационизма на еврейский народ после вавилонского плена, что вылилось в возникновение представлений о мессии как царе, чего не было в раннем авраамическом дискурсе.

Авраамическая традиция получает импульс к расширению в христианстве, наделенном потенциалом универсализма. Место десяти заповедей занимают заповеди Иисуса Христа, обряд обрезания заменяется обрядом крещения, но сохраняются, и даже усиливаются сексуальные запреты, и запреты на магическую деятельность, этим же объясняется и негативное отношение христианства к эзотерике. Данные запреты объясняются принятием концепции творения мира «из ничто», в результате чего магия оказывается вне связи человека и Бога. По мнению Бенуа, авраамизм расколдовывает мир: «мир, согласно Библии, должен быть десакрализован» [4, с. 83]. По этой причине А. Бенуа полагает что «Религия Библии должна рассматриваться как антимагическая» [4, с. 28)], ей противопоставлен магический характер язычества. Однако, по мнению А.Г. Дугина, христианство несет в себе черты манифестационизма, являясь третьим путем авраамизма.

Христианство вступает в борьбу с рационализмом модерна, открывающий двери запретному, и одновременно способствует его распространению, особенно с помощью протестантизма, который ряд ученых–традиционалистов считают наиболее иудаизированной формой христианства.

Реформация, породившая протестантизм в свою очередь стала возможна благодаря Ренессансу. Ален Бенуа отзывается об эпохе Ренессанса как следствии «возобновления связи с духом древнего язычества». Язычество, по его мнению, пробуждало в людях лучшие чувства. Окончилась эпоха Средневековья с кострами инквизиции, но возрождения языческих представлений не произошло, вместо этого смена политико–идеологических формаций принесла протестантизм – наиболее «иудейскую» версию христианства, в котором нет ничего от язычества. Именно протестантизм оказался господствующей

конфессией в США – оплоте глобализма, общества потребления и индивидуализма.

Поэтому не случаен, а закономерен пришедший на смену протестантизму атеизм. А. Бенуа в «отрицательном богословии» показал концепцию «иудеохристианства без Бога». По его мнению, «когда «идолопоклонство» полностью исчезнет, то вера в Яхве станет излишней» [4, с. 87]. Касаемо этого, по мнению Р. Генона, торжество атеизма является следствием монотеизма, а материализм, как обожествление материи – язычества, понимаемого Геноном как остатки предрассудков. На этом фоне христианство выполняло миссию возрождения сакральности [6, с. 21-22]. Здесь стоит дополнить, что «отрицательному богословию» созвучна философия Д. Бонхеффера, полагающему, что зрелое человечество не нуждается в Боге, и способно к моральности [8, с. 21]. Но соответствует ли этой романтической мечте нынешнее пост-христианское общество Европы, закат которого предрекают уже давно, и который реализуется в настоящем?

По мнению Седова Л.А., атеизм, принесенный революцией 1917 года, разрушил христианские верования, нанес удар по авраамическому ментальному типу, в результате чего обнажились чисто языческие установки русского народа, которые ярко выражаются в его отношении к смерти близкого человека. Поминки усопшего у русских предполагают радостное празднество, что вступает в противоречие с иудео-христианским отношением к смерти как к потере близкого человека. В своих изысканиях Л.А. Седов вслед за А. Бенуа, подчеркивает характерную черту авраамической установки на неверие в потусторонний мир, и отрицание отношения к настоящему, что, однако в европейской христианской культуре, смягчается идеей воскресения [7, с. 167].

Авраамические религии имеют сильное воздействие на ментальность народов, которые адаптируют религию под свою национальную сущность, стремящуюся проявиться в периоды ренессанса, или в быту. Все ветви авраамических религий имеют общие черты, позволяющие говорить об авраамизме, коренным образом отличающимся от языческих религиозных концепций, в среде которых прививался. Главная общая особенность – запрет потустороннего, магии. Однако некоторая доля «чудесного» прорывается в социальную жизнь в рамках авраамизма в христианстве, возрождая угасающие представления о сакральном.

Радикальное отличие христианства от первоначальной авраамической линии, к которой принадлежит иудаизм и ислам, позволяет говорить о христианстве как о третьем, особом пути, совершенно иными принципами воздействующим на социум.

В рамках христианства, однако, можно также найти отличия, которые коренятся в полюсах Запад – Восток. Так, западная цивилизация отличается большей степенью приближенности к ортодоксальному авраамическому принципу законничества, поэтому развивает торговые отношения, преуспевает в бизнесе. Русский православный ментальный тип, опираясь на национальные традиции, хранящиеся под спудом религии, в большей мере склонен в суждениях опираться на категорический императив, стремится к выяснению правды.

Протестантизм и ислам в контексте данной работы являются шагами к возрождению исконного авраамического понимания мира. Рассматривая религию как явление динамичное, развивающееся, можно увидеть закономерность в диалектике развития авраамических религий завершающуюся возникновением атеизма, являющимся венцом победы над метафизикой язычества, и радикально трансформирующим канву социального бытия.

Литература:

1. *Хрестоматия по древней русской литературе: [хрестоматия / под ред. Н. Гудзий]. – М.: Просвещение, 1973. – 528, [1] с.*
2. *Дугин А.Г. Абсолютная родина / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1999. – 751 с.*
3. *Сэдзвик М. Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. / М. Сэдзвик. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2014 – 528 с.*
4. *Бенуа А. Как можно быть язычником / А. Бенуа. – М.: Русская правда, 2013 – 240 с.*
5. *Флиер А. Я. Культурная социодинамика: многообразие возможностей /А. Я. Флиер// Культура культуры. – 2016. – Т. 1, №1 (9). С. 6 – 14.*
6. *Генон Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.*
7. *Седов Л.А. Типология культур по критерию отношения к смерти / Л.А. Седов // Синтаксис. – Париж, 1989. – №26. – С. 159–192.*
8. *Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность / Д. Бонхеффер. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – 344 с.*

References:

1. *Hrestomatija po drevnej russkoj literature: [hrestomatija / pod red. N. Gudzij]. – M.: Prosveshhenie, 1973. – 528, [1] s.*
2. *Dugin A.G. Absoljutnaja rodina / A.G. Dugin. – M.: Arktogeja, 1999. – 751 s.*
3. *Sedzhvik M. Naperekor sovremennomu miru. Tradicionalizm i tajnaja intellektual'naja istorija XX veka. / M. Sedzhvik. – M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2014 – 528 s.*

4. Benua A. *Kak možno byt jazychnikom* / A. Benua. – M.: Russkaja pravda, 2013 – 240 s.
5. Flier A. Ja. *Kulturnaja sociodinamika: mnogoobrazie vozmozhnostej* /A. Ja. Flier// *Kultura kultury*. – 2016. – T. 1, №1 (9). S. 6 – 14.
6. Genon R. *Krizis sovremennogo mira* / R. Genon. – M.: Jeksmo, 2008. – 784 s.
7. Sedov L.A. *Tipologija kultur po kriteriju otnoshenija k smerti* / L.A. Sedov // *Sintaksis*. – Paris, 1989. – №26. – S. 159–192.
8. Bonhjoffer D. *Soprotivlenie i pokornost* / D. Bonhjoffer. – M.: Izdatelskaja gruppa «Progress», 1994. – 344 s.